

Когда Хуа Си Ван появилась перед своим старшим братом, прошло уже больше часа. Хуа Чан Бао посмотрел на свою великолепно одетую младшую сестру, затем на Сянь Цзюньвана, который поправлял шпильки в ее волосах, и вздохнул.

Перед тем как уйти с Хуа Си Ван, он повернулся и поднял сложенные руки в направлении Сянь Цзюньвана, который вышел вместе с ними из ворот поместья.

- Сянь Цзюньван, волноваться не о чем. Можете нас не провожать.

- Старший шурина, не торопитесь с отъездом.

Янь Цзинь Цю помог Хуа Си Ван сесть в экипаж, а затем повернулся и сказал Хуа Чан Бао: «Простите, что не провожаю вас дальше».

- Прошу вас, оставайтесь, провожать нас не нужно.

Хуа Чан Бао сел на лошадь. Когда они отъехали на некоторое расстояние, он оглянулся. Сянь Цзюньван все еще стоял на своем прежнем месте, но расстояние было слишком велико, и он не мог разглядеть выражение его лица.

Отведя взгляд назад, Хуа Чан Бао посмотрел на карету с эмблемой поместья хоу И'Ань. Он нахмурился. Кто знает, о чем на самом деле думает Сянь Цзюньван?

Му Тун смотрел, как удалялась карета из поместья хоу, пока она не скрылась из виду, прежде чем опустить голову.

- Идём.

Янь Цзинь Цю повернулся и вошел в ворота. Когда они подошли ко второй двери, он холодно спросил: «Какие слухи ходят о деле мастера Чжана?»

- Многие люди снаружи говорят, что это дело связано с наследным принцем. Но поскольку император желает обелить наследного принца, он хочет переложить вину на бандитов, - с готовностью произнес Му Тун. - Возможно, даже люди из семьи Чжан начинают подозревать наследного принца.

Янь Цзинь Цю фыркнул и направился к кабинету, заложив руки за спину.

- Кажется, Янь Бо И делает волны из теней [1]. В противном случае, кто слил всю информацию?

Му Тун молчал и не осмеливался заговорить.

После того, как Янь Цзинь Цю провел полдня в кабинете, он внезапно вспомнил, что вчера в поместье прибыл новый повар, поэтому приказал: «Пусть новый повар приготовит несколько своих фирменных блюд и отправит их Цзюнь ванфэй».

Му Тун некоторое время молчал, а затем сказал: «Цзюньван Е, Цзюнь ванфэй сегодня отправилась в отцовский дом».

Янь Цзинь Цю на миг прекратил листать книгу. Затем он махнул рукой и больше ничего не сказал.

В одной из частных комнат знаменитого магазина румян в Цзине княжна Линь Пин стояла у окна. Когда она увидела, что мимо проезжает карета хоу И'Ань, то невольно нахмурилась. Почему карета из поместья хоу И'Ань ехала со стороны поместья Сянь Цзюньвана? Когда карета отъехала в сторону, из соседней комнаты донесся женский разговор.

- Хоу И'Ань действительно заботится о своей дочери. В шестой день шестого месяца они так рано отправились в поместье Сянь Цзюньвана. Сяньцзюнь ванфэй очень повезло - хорошая семья, благосклонность мужа. Я действительно восхищаюсь ею.

- Это судьба; тебе не обрести того же, даже если будешь ею восхищаться.

Шестой день шестого месяца? Княжна Линь Пин задумалась на мгновение, прежде чем вспомнила, что это был день дочери у простых людей. В этот день родители и братья заставляли женщин, вышедших замуж, возвращаться домой. Услышав, как две женщины в соседней комнате говорят о том, как они восхищаются Хуа Си Ван, она нетерпеливо покинула отдельную комнату со своими служанками.

Она, Янь Цзинь Лин, выходя замуж, решила, что не будет полагаться на свою отцовскую семью. Значит, сегодня ее не будет волновать что-то вроде дня дочери. Это была традиция простых людей, но члены семьи хоу И'Ань на самом деле думали, что это так важно - ну не смешно ли?

Как только карета подъехала к воротам поместья и остановилась, Хуа Си Ван услышала голос своего второго брата. Выглянув из кареты, она увидела, что брат, как она и ожидала, нетерпеливо смотрит на нее. Она не смогла сдержать улыбку.

- Второй брат.

- Наконец-то вы приехали.

Хуа Дин Чэнь подошел к экипажу, чтобы помочь Хуа Си Ван выйти. Он осмотрел Хуа Си Ван, прежде чем удовлетворенно сказать: «Похоже, что Цзюньван Е был добр к тебе. Я могу перестать тревожиться». Судя по тому, как она выглядела, ей хорошо жилось в поместье мужа.

Хуа Чан Бао слез с лошади и пошел рядом с ними, сказав: «Давайте войдем в поместье, прежде чем говорить. Как это выглядит, когда мы все стоим у ворот?»

Сестра и брат обменялись взглядами и послушно последовали за Хуа Чан Бао через ворота. Хотя все трое были совершенно разными, авторитет Хуа Чан Бао как старшего брата был непререкаем.

По дороге Хуа Си Ван заметила, что с тех пор, как она вышла замуж, дома мало что изменилось. Когда Хуа Си Ван вошла в главный зал, она увидела свою мать и невестку, Сунь-ши, которые ждали ее. Она быстро прошла вперед, присела в поклоне и сказала: «Приветствую матушку. Мама, хорошо ли ты чувствуешь себя в последнее время?»

- Хорошо, хорошо, - повторила Лу-ши. Она внимательно осмотрела Хуа Си Ван. - Ты привыкла к поместью Цзюньвана? Вся ли челядь слушается тебя? - в прошлый раз, когда ее дочь посетила дом, там было слишком много народу, и она не спросила о многих вещах. Поскольку сейчас в комнате находились только члены их семьи, ей нечего было опасаться.

- За мной последнее слово во всем, что касается поместья Цзюньвана - кто посмеет ослушаться?

Хуа Си Ван села рядом с Лу-ши и сказала Сунь-ши: «Прошло много времени с тех пор, как я видела невестку. Ты выглядишь еще лучше».

Сунь-ши улыбнулась: «Малышка, у тебя по-прежнему медовый рот».

Хуа Си Ван сказала с серьезным выражением лица: «Дело не в том, что у меня медовый рот. Я честный человек и никогда не лгу».

Сунь-ши беспомощно покачала головой. Когда она повернула голову, то увидела, что хотя выражение лица ее мужа было холодным, в его глазах все еще светилась радость. Она знала, что Хуа Чан Бао казался холодным человеком, но имел доброе сердце. Сунь-ши привыкла, что Хуа Си Ван говорит без обиняков, поэтому сказала: «Это потому, что мама очень добра ко мне. Из еды и питья мне достается самое вкусное. Поэтому у меня такой хороший цвет лица».

Лу-ши улыбнулась и сказала: «У меня только две дочери. Если я не буду баловать вас, то кого еще мне баловать?»

Она указала на Хуа Чан Бао и Хуа Дин Чэня: «Может, мне отдать кусочек повкуснее этим двум негодникам? Даже если вам будет все равно, по мне так это пустая трата ресурсов». Из ее слов выходило, что она считает Сунь-ши своей дочерью, а не чужой.

Сунь-ши прикрыла рот рукой и тихонько рассмеялась. Она не считала, что ее свекровь проявляет обычную вежливость. Сколько свекровей во всем Цзине были так же внимательны и великодушны, как она?

Хуа Дин Чэнь был не согласен, но в присутствии женщин ему было проще промолчать. В конце концов, они лишь дразнили его.

Поговорив так некоторое время, Хуа Си Ван сказала: «Я получила несколько рулонов из снежной парчи несколько дней назад, и Цзы Шань сделала несколько комплектов нижнего белья для Фу'эра. Невестка, позже проверь, подойдут ли они. Если нет, пусть слуги немного перешьют их».

Снежная парча была не тонкой, но приятно холодила кожу. Это была очень дорогая и ценная ткань.

- Фу'эр всего лишь одиннадцатимесячный ребенок - как он может пользоваться такой хорошей тканью?

- Именно потому, что наш Фу'эр - младенец, нужно больше заботиться о его домашней одежде, - сказала Хуа Си Ван с улыбкой. - Когда он подрастет, даже если ты заставишь его носить одежду из грубой ткани, мне будет все равно.

У Сунь-ши потеплело на сердце. Она знала, что Хуа Си Ван не заботилась о вежливости, и приняла ее доброжелательность с улыбкой.

Когда они пообедали, Хуа Си Ван обнаружила, что большинство блюд пришлись ей по вкусу. Лу-ши даже лично приготовила некоторые из них. Хуа Си Ван чувствовала тяжесть на сердце, но когда подняла голову, на ее лице сияла улыбка.

Закончив трапезу, Хуа Си Ван поняла, что съела на полтарелки больше, чем обычно. Лу-ши беспокоилась о ее здоровье и велела слугам приготовить для нее пищеварительный чай. Когда в комнате остались только она, Сунь-ши и Хуа Си Ван, она, наконец, заговорила о делах внутри семьи.

- Дата свадьбы старшей госпожи с сыном министра Чжоу установлена - второй день восьмого месяца.

Хуа Си Ван вспомнила слухи о сыне министра Чжоу.

- Я слышала, что у этого мастера Чжоу есть наложница, которая сейчас беременна. Это правда?

- Какая разница, правда это или нет?

Лу-ши сделала глоток чая и холодно произнесла: «В самом начале именно их семья Чжоу умоляла об этом браке. Тогда в течение десяти лет после свадьбы старшей барышни и мастера Чжоу в их семье не появятся дети, рожденные от других женщин. Таково было их обещание».

Хуа Си Ван наморщила лоб. Но тогда какой смысл Хуа И Лю выходить замуж за такого человека?

- Раз уж семья Чжоу осмелилась на такое, почему второй дядя и вторая тетья не расторгают помолвку?

Это место не из тех, где женщины, разорвавшие помолвку, не могут выйти замуж. Разорванная помолвка нанесла бы некоторый ущерб репутации женщины, но это было бы лучше, чем выйти замуж за ненадежного мужчину.

- У госпожи семьи Чжоу хорошие отношения с твоей второй тетей. Кто знает, что задумала вторая невестка? - Лу-ши покачала головой. - Если господин Чжоу не совершит такой же ошибки в будущем, проблем не будет. Если он сделает то же самое после свадьбы, то старшую барышню можно будет только пожалеть.

Из трех дочерей семьи Хуа Хуа И Лю была самой старшей, Хуа Си Ван - самой младшей. По идее Хуа Си Ван должна была быть близка к Хуа И Лю, потому что второй дядя и ее отец были единокровными братьями, но Хуа Си Ван больше восхищалась второй сестрой Хуа Чу Юй. Ее мнение о Хуа И Лю, ее старшей кузине, было не очень хорошим.

Но несмотря ни на что, она не могла смотреть, как Хуа И Лю выходит замуж за дурного человека.

- У второй тети только одна дочь. Она будет терпеть, что ее единственную дочь унижают?

Лу-ши вздохнула и промолчала.

Пока они разговаривали, пришли слуги и доложили о приезде старшей и второй кузин Хуа Си Ван.

- Скорее пригласите их войти.

Лу-ши встала и сказала: «Я пойду во внутренние покои. Вы, сестры, можете спокойно

поговорить».

Увидев это, Сунь-ши встала и сказала: «Фу'эр скоро захочет есть. Я должна вернуться, чтобы накормить его». Несмотря на то, что она была близка с Хуа Си Ван, своей невесткой, Сунь-ши не часто общалась с двумя другими дочерьми семьи Хуа. Поэтому она не хотела оставаться здесь и мешать им.

Хуа Си Ван только и оставалось, что сказать: «Хорошо, тогда продолжим наш разговор вечером».

Хуа Чу Юй и Хуа И Лю были окружены несколькими служанками, которые вышли поприветствовать их и проводить в главную комнату. Служанки помогли им сесть, поставили чай и закуски. Царила оживленная атмосфера.

По сравнению с Хуа Чу Юй, у которой был здоровый цвет лица, лицо Хуа И Лю было немного бледным. Она молча сидела на стуле, пока служанки суетились вокруг. Когда она подняла голову и увидела Хуа Си Ван и Хуа Чу Юй, счастливо беседующих, она была ошеломлена. «Погода становится еще более жаркой. После лета наступит осень», - уныло проговорила она. Однажды она встречалась с этим господином Чжоу. Несмотря на свою красоту, он не мог сравниться с Сянь Цзюньваном. О его статусе и талантах нельзя было даже сказать, что они идут вровень с талантами Сянь Цзюньвана.

Услышав ее слова, Хуа Чу Юй посмотрела на нее, но не издала ни звука.

Бровь Хуа Си Ван слегка приподнялась: «Осенью будет не так жарко».

Хуа И Лю почувствовала легкую горечь. Она боялась прихода осени, потому что не хотела выходить замуж за такого человека. Но Хуа Си Ван жаждала осени, потому что ей было не по себе от жары. Счастье ее жизни в глазах Хуа Си Ван, вероятно, не могло сравниться с несколькими прохладными днями.

Что еще можно было ожидать от ее двоюродной сестры?

[1] примерное значение идиомы «делать волны из теней» - баламутить воду, нагнетать атмосферу.